

С.Н. ЦЕЙТЛИН

(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 81'271.2
ББК Ш105.553

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОГОВОРКИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ

Аннотация: В статье рассматриваются лексические оговорки в речи людей, владеющих языковой нормой, которые появляются в спонтанной речи вследствие ослабления языкового контроля. Оговорки представляют собой замену одной лексемы другой, не соответствующей речевому замыслу. Автор подразделяет их на два основных типа: основанные на ассоциациях семантического типа и на сходстве формально-грамматического или фонетического типа.

Ключевые слова: порождение речи, оговорки, языковой контроль, ассоциации вербальные замены.

Хорошо известно, что в ситуации ослабления языкового контроля при порождении текста речь человека отчасти изменяется. Можно полагать, что выяснение лингвистических причин этих изменений помогает не только понять закономерности функционирования речи в реальной речевой деятельности, но и выяснить строение ментального лексикона и ментальной грамматики, а также определить различные виды текстового взаимодействия языковых единиц и категорий.

Практически трудно представить себе спонтанную устную речь без оговорок того или иного рода. Ведь порождение речи само по себе – сложнейший процесс, включающий множество операций: выбор синтаксического каркаса, лексического его наполнения, морфологического оформления каждой лексемы, получающей в составе высказывания статус синтаксемы или ее компонента, артикуляторной реализации и многого, многого другого. При этом существенно, что большая часть этих операций осуществляется параллельно и фактически на чрезвычайно низком уровне осознанности, практически- неосознанно. Недавно наш мозг часто сравнивают с компьютером, имеющим

сложнейшую мультипроцессорную программу. В своей небольшой статье мы коснемся лишь одной проблемы, связанной с порождением речи – а именно выбора лексем, заполняющих синтаксические позиции в высказывании, точнее – разного рода сбоев, происходящих в данной области.

Речевые сбои подразделяются на ряд типов в соответствии с языковыми уровнями: лексические, морфологические, синтаксические, акцентологические, фонетические. По виду речевой деятельности их можно разделить на два, по крайней мере, типа: оговорки и «очитки». Второе слово заключаем в кавычки, поскольку оно не является общепринятым. В первом случае имеем дело, как правило, с самостоятельным порождением текста, во втором – по сути дела, с воспроизведением, которое, тем не менее, подвергается некой модификации. «Очитки» также могут быть разделены по отношению к языковым уровням (лексические, морфологические и т.д.). В рамках данной статьи они не рассматриваются.

Лексическая оговорка является одной из разновидностей речевых сбоев, которые представляет собой непреднамеренное отклонение от языковой нормы, возникающее не вследствие невладения ею, а как результат ослабления языкового контроля из-за тех или иных обстоятельств: усталости, болезни, провокации контекста и т.п. др. Именно владение или невладение нормой позволяет разграничивать оговорки (речевые сбои) и речевые ошибки, которые есть следствие неосвоенности нормы ребенком, овладевающим своим родным языком, человеком, осваивающим новый для него язык или носителем просторечия, незнакомым с литературной нормой¹⁹.

¹⁹ Известно, что многие исследователи не разграничивают ошибки и оговорки, трактуя таким образом термин «ошибка» более широко. Такая тенденция является господствующей в отечественной науке, в то время как в западной науке достаточно последовательно проводится данное разграничение. Отступления от нормы вследствие невладения ею именуется errors, а нечаянные отступления от нее называются mistakes или slips of tongue. Подробная (но не исчерпывающая) классификация ошибок представлена в книге [Цейтлин 2013].

Лексический сбой (оговорка, обмолвка) заключается в неверном выборе лексемы²⁰. При этом возникает соотношение «заменяемое – заменяющее». Заменяемое соответствует речевому замыслу, заменяющее от него отличается, иногда кардинальным образом, иногда и – незначительно. Если говорящий свою оговорку замечает (лексические сбои, как правило, более четко фиксируются языковым сознанием, чем морфологические или синтаксические и тем более – фонетические), он может ее исправить, подобрав более подходящую лексику. Однако это происходит отнюдь не всегда и зависит от речевой ситуации. В стандартной ситуации повседневного общения он может удовлетвориться произнесенным словом, если смысл, который он хотел выразить, не пострадал радикальным образом.

Теоретической базой нашего исследования являются капитальные работы А.Р. Лурия и его последователей и учеников, прежде всего – Т.В. Ахутиной. Выясняя механизм оговорок, мы опираемся прежде всего на известную концепцию порождения речи, разработанную Т.В. Ахутиной в содружестве с А.А. Леонтьевым. Приведем основное положение данной концепции, существенное для анализа лексических оговорок: «Порождение речи начинается с внутреннеречевого замысла высказывания. Вслед за ним идет выбор слов. Он происходит в два этапа. Сначала осуществляется перевод широких субъективных смыслов внутренней речи, выраженных особым кодом, в единицы значения определенного внешнего языка. Поскольку эти значения репрезентированы иначе, чем звуковая форма слова, говорящий должен найти соответствующую звуковую форму. Однако делает он это, вероятно, после создания грамматической схемы предложения, позволяющей отыскивать уже грамматически

А.А. Залевская, уделившая много внимания обзору работ, посвященных отклонениям от нормы в спонтанной речи, придерживается широкой трактовке термина ошибка, относя к нем и непреднамеренные отклонения от нормы [Залевская 2007].

²⁰ Очевидно, лексическим сбоем можно распространить и на те случаи, когда говорящий ищет и не находит подходящего слова, однако в данной статье они не рассматриваются.

оформленные полные схемы слов. За этими операциями следует нахождение послоговой двигательной программы высказывания и ее реализации, которая идет под контролем кинестетического и слухового анализаторов» [Ахутина 2014: 29-30]. Отступление от нормы может возникнуть на разных стадиях порождения речи, выявленных данными исследователями, причем стадии здесь название условное, ибо многие процессы могут протекать параллельно. Существенно, что отмечается наличие двух этапов выбора слова (точнее было бы сказать- словоформы): до и после создания грамматической схемы предложения. Важен и этап реализации послоговой двигательной программы, сбой происходят и на данном этапе тоже.

Материал, на котором базируется наше исследование - речь интеллигентных людей среднего и пожилого возраста, в большинстве своем- преподавателей вуза, в том числе и филологов, а также радиожурналистов ряда известных радиостанций, в возрасте от 25 до 50 лет, достаточно опытных и весьма грамотных. Среди зафиксированных оговорок есть и оговорки ведущих передач, посвященных культуре речи. Очевидно, от оговорок фактически не застрахован никто. Кроме того, используются и оговорки автора статьи, в том числе и «перехваченные», т.е. используется хорошо себя зарекомендовавший и подходящий именно для такого случая метод интроспекции²¹.

Представляется очевидной связь речевых сбоев с одним из видов языковой памяти: долговременной, свидетельствующей о закреплённости в языковом сознании тех или иных языковых явлений, и кратковременной (оперативной), означающей, что процессы эти имеют причиной воздействие тех или иных

²¹ Своим интересом к данной теме я обязана Марине Валентиновне Русаковой, которая убедительно доказала в своих работах, что исследование механизма оговорок проливает свет на строение системы языка, выявляя многие из его закономерностей (см. [Русакова 2001; Русакова 2013]).

факторов ситуативного или контекстуального порядка²². Если первые базируются на определенных системных связях между языковыми единицами (лексемами) и носят типичный, повторяющийся характер, то вторые абсолютно индивидуальны и сиюминутны и поэтому имеют скорее психологическую, чем языковую природу. При подборе лексемы говорящий, обращаясь к собственному ментальному лексикону, осуществляет поиск сразу по ряду оснований: семантическому, формально-грамматическому, фонетическому, часто – одновременно по нескольким. Существенную роль при этом играет контекст, как уже реализовавшийся, так и планируемый. Роль контекста при порождении речи может быть как положительной, подсказывающей (в подавляющем большинстве случаев это как раз и имеет место) и отрицательной, провокационной. Вторая из названных ситуаций и приводит к речевым сбоям

Лексические сбои (оговорки, обмолвки) более всего привлекали внимание исследователей, хотя грамматические сбои встречаются не менее часто. Споры о их причинах ведутся давно, о них пишет уже З. Фрейд, анализируя позиции современных ему ученых: некоторые из них полагали, что в основе лексических замен лежат семантические ассоциации, другие – что ассоциации формального порядка, главным образом фонетические. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что причины могут относиться как к той, так и другой области, а во многих случаях оба фактора сочетаются. Кроме того, большую роль играют некие моторные (артикуляционные) шаблоны, которые накладываются на формирующиеся в сознании звуковые оболочки словоформ, совпадая частично или полностью в начальном сегменте словоформы и в ряде случаев как бы провоцирующие фонетическое развертывание в ложном, не соответствующем речевому замыслу, отношении.

Речевые сбои первого типа базируются на явных или неявных семантических связях между лексемами и потому могут

²² О различной роли долговременной и кратковременной (оперативной) памяти в механизме ассоциирования писали многие авторы. См., например, работу И.Г. Овчинниковой [Овчинникова 1994].

считаться свидетельством их реального существования, что касается сбоев второго типа, то в этом случае прежде всего срабатывают механизмы либо формально-грамматического, либо чисто фонетического типа. Рассмотрим последовательно лексические оговорки первого и второго типа. Таким образом обнаруживает себя билатеральная, двойственная сущность словоформы.

Оговорки первого типа, основанные на семантических ассоциациях, чрезвычайно многочисленны. Эти ассоциации, отражающие системный характер организации ментального лексикона базируются на семантических связях между лексемами и могут быть названы семантическими заменами. Они, вне всякого сомнения, свидетельствуют о психологической реальности этих связей, об их присутствии в сознании человека, точнее – в подсознании, ибо выбор лексемы осуществляется на чрезвычайно низком уровне осознанности и является следствием отключения или ослабления языкового контроля.

Они могут быть подразделены на ряд подтипов.

1. Смещение антонимов

Из домашних разговоров: «Нужно *зажечь* (вм. погасить) свет»; «Я *похудела* (вм. поправилась) больше чем на килограмм (оговорка удивила собеседника, но не замечена говорящей)»; «Там и лыжи есть, можно *зимой..ой*, чуть не сказала – летом.. туда приезжать»;²³ Радиожурналист: «Нельзя *преувели..* преуменьшать степени этой угрозы». Хорошо известно, что антонимические ассоциации являются очень прочными и формируются на ранних стадиях речевого онтогенеза. К тому же эти системные связи часто обнаруживаются в тексте именно в ситуации противопоставления и, следовательно, поддерживаются синтагматическими ассоциациями. Оба антонима существуют в одном и том же контекстуальном окружении, что создает ситуацию вероятностного прогнозирования, провоцирующую речевой сбой. Оговорки такого рода могут вызывать серьезные

²³ Подобные «перехваченные» оговорки являются результатом интроспекции, прямой или опосредованной.

коммуникативные помехи, меняя смысл высказывания на противоположный.

2. Замена лексемы как результат редукции дифференциальных сем

Иерархическая организация семантической структуры лексического значения отчетливо выявляется как при выяснении закономерностей формирования детского лексикона, так и при исследовании лексических оговорок. Компонентный (семный) анализ лексических значений обнаруживает ее со всей очевидностью. При исследовании речевого онтогенеза отчетливо выявляется механизм освоения семного состава лексического значения: базовые компоненты обычно осваиваются раньше периферийных, дифференциальные семы позднее интегративных. Сходный процесс можно наблюдать в сфере спонтанной речи взрослых. Недостаточный учет дифференциальных сем в ситуации ослабления речевого контроля часто приводит к расширению сферы референции лексемы, т.е. сверхгенерализации одного из значений. Говорящий игнорирует одну или несколько дифференциальных сем, справедливо предполагая, что будет понят собеседником. Так, частота совместной встречаемости слов *кошка* и *собака* настолько велика, что в светлом поле сознания говорящего может доминировать общая сема «животное, живущее дома», а дифференциальные семы отходят на второй план. Так, человек, имеющий собаку и использующий это слово много раз в день, произносит тем не менее: «А *кошка* будет это есть?», хотя никакой кошки в доме нет. Примеры взаимной замены этих двух слов очень распространены. Тот же человек, имея в виду пустой пакет с кормом для собаки, назвал его *ящиком*, ориентируясь на общую сему «вместилище», хотя совершенно очевидно, что он хорошо представляет себе значение данного слова. Это проявление своего рода речевой неряшливости, характерной для домашнего общения.

Любой из нас хорошо знаком с названиями фруктов и овощей, но тем не менее в спонтанной речи способен сказать: «У вас есть *помидоры* (вм. *мандарины*)?». В качестве – дополнительного фактора, провоцирующего сбой, здесь, как это часто бывает, выступает тождество ритмической структуры слов: обе

словоформы включают три слога, предпоследний из которых является ударным. В нашем материале отмечены также замены слова *клубника* словом *клюква* (возможно, в качестве дополнительного фактора, вызвавшего сбой, выступает некоторое звуковое подобие первого слога), а также употребление слова *клоун* вм. *фокусник*. Горящий хотел сказать, что он в течение какого-то времени невольно обманывал своего шефа, притворяясь лучшим работником, чем на самом деле: «Я все время чувствовал себя ловким *клоуном* и боялся разоблачения». В данном случае смешаны две цирковые профессии. Две женщины собирают ягоды в саду, одна говорит другой: «На этом *дереве* еще много смородины». Невозможно предположить, что говорящая не знает различий между деревом и кустом. Это также проявление своего рода речевой неряшливости в комфортной ситуации повседневного общения. В нашем материале зафиксировано несколько случаев, когда пожилые люди употребляли лексемы *взвеситься*, сочетания *измерить давление*, *измерить температуру*, заменяя одно другим. Все эти слова и словосочетания содержат общую интегральную сему – «измерить состояние организма с помощью какого-то прибора, инструмента», в данном случае игнорируются дифференциальные семы. Неоднократно приходилось слышать глаголы *погасить* вм. выключить о телевизоре или радио. Оба глагола имеют общую сему «прекратить функционирование прибора», в данном случае также игнорируются периферийные семы. В группе так наз. параметрических прилагательных часто встречаются случаи игнорирования параметра как такового, т.е. узкая ленточка может быть названа *тонкой*, глубокая яма – *длинной* и т.п., каждое из прилагательных используется в значении «обладающий значительной или, напротив, незначительной степенью проявления того или иного качества, а сам параметр остается в тени. Кроме того, главенствующие по смыслу в этом ряду прилагательные *большой* и *маленький* могут служить универсальными заменителями всех параметрических прилагательных, поскольку в них отношение к параметру оценки вообще снимается: *большим* может быть назван толстый человек, многоэтажный дом, имеющая много страниц книга, широкая река и т.п. Коммуникативные

потери при этом незначительны и, как правило, не замечаются.

Некоторые из замен носят почти анекдотический характер. Так, автору этой статьи случилось однажды, реагируя на рекламу стоматологической фирмы, назвать людей, полностью лишенных зубов, *лысыми*. Сыграла роль как будто не лежащая на поверхности общая для слов *беззубый* и *лысый* сема «полностью лишенный чего-то».

Огромное число обмолвок связано с номинациями домашних бытовых приборов и гаджетов разного рода: *телевизор, компьютер, мобильник, планшет, магнитола, принтер* и т.п. Замечено, что они особенно характерны преимущественно для пожилых людей, которым реже случается иметь дело с упомянутыми выше предметами. Многие признаются, что им приходится останавливаться на мгновение, чтоб сделать выбор между словами *микроволновка* и *мультиварка*. Случается, что иногда одно слово заменяется другим, когда речь идет о разных механизмах, выполняющих аналогичные функцию. Так, один из информантов признался, что ему приходится задумываться, когда требуется осуществить выбор между словами *лифт* и *эскалатор*.

Замечено, что деятели культуры, представляющие разные профессии, часто сбиваются на доминирующее в их сознании слово, обозначающее привычную для них аудиторию: *слушатели, читатели, зрители, посетители*. Очевидно, в качестве дополнительного фактора, провоцирующего подобное смешение, выступает общность словообразовательной модели отглагольного характера.

3. Необоснованная замена синонимов

Казалось бы, синонимы для того и существуют, чтобы обеспечивать говорящему выбор при порождении речи. Однако выбор этот каждый раз чем-то обоснован, и учет неких тонких деталей семантики лексемы часто бывает необходим в процессе речевой деятельности. В ситуации ослабления языкового контроля эти детали как бы редуцируются. «Ну ты и *мошенник!*» - упрекает хозяйка собаку, стащившую со стола кусок сыра – слово явно неподходящее, хотя и относящееся к тому же синонимическому ряду, что и более подходящие слова *жулик* или

воршика. Автору этих строк случилось в ситуации спешки употребить глагол *утешать* вместо более подходящего *успокоить*: «Не надо меня *утешать!*», когда речь шла о волнениях по поводу возможного опоздания на занятия. Утешают по поводу какого-то уже свершившегося события, кроме того, этот глагол предполагает более серьезный объект для эмоций, чем опоздание на урок. Можно заметить, что именно замена глагольных синонимов ярко проявляется в речевых сбоях. Причина очевидно, в том, что, как отмечает В.Д.Черняк, они «силу их большей системной структурированности образуют наиболее разветвленные синонимические связи» [Черняк 2000: 179].

4. Замена дейктического типа

Особенности сферы референции лексем шифтерного типа – таких, как местоимения и некоторые локативные и темпоральные единицы или словосочетания, оказываются существенными при порождении речи. Ряд оговорок имеет своей причиной то, что говорящий не учитывает роли дейктического центра, т.е. отношения лексемы к параметрам «я – здесь – сейчас». Интересно при этом, что замены касаются локативного и темпорального дейксиса, но не персонального, который осваивается достаточно прочно (т.е. не зафиксированы даже в быстрой речи замены *я* на *ты*, *мой* на *твой* и т.д.). Что касается локативного и темпорального дейксиса, то в данном случае речь идет главным образом об изменении вектора или об игнорировании его. Нам неоднократно случалось наблюдать смешение *сегодня* и *завтра*, *вчера* и *сегодня*. Игнорирование вектора, в данном случае – отнесенности к будущему, приводит к ошибочному использованию прилагательного *ближайший*: «Мы сделали это в *ближайшее* время» (т.е. сравнительно недавно). Иногда говорящий замечает отклонение от нормы, но не может подобрать соответствующей лексемы по той причине, что она просто отсутствует в русском языке. Что касается слова *ближайший*, то его внутренняя форма (близкий к моменту речи, но без указания на темпоральный вектор) выполняет провокативную роль, как бы разрешая данное отклонение от нормы, поскольку вектор может

быть направлен не только в будущее, но и в прошлое.²⁴ Ученый –генетик, приглашенный на радио, заметив ошибку, произносит: «Ученые узнали об этом в *ближайшее*..ой..в прошедшее время». Из отчета военного эксперта о событиях: «В *ближайшее* время мы потеряли около 100 человек».

5. Замена метонимического характера

Весьма распространены в нашей речи лексические оговорки метонимического типа. Механизм их достаточно сложен, т.к. имеет отношение не только к парадигматическим, но и синтагматическим факторам, т.е. встречаемости заменяющего и заменяемого слова в одних тех же ситуациях, что вызывает соответствующие ассоциации. Так, я была свидетельницей того, как посетительница в аптеке, которой нужны были лекарство и шприцы, чтобы делать уколы, произнесла: «Диклофенак и *ампулы*, пожалуйста!» Аптекарский работник, не переспрашивая, понял и принес нужное. «Давай *сквозняк* закроем!» - т.е. закроем дверь, чтобы не было сквозняка²⁵. Сама я, имея дело фактически всю жизнь с собаками, всегда какую-то долю секунды думаю, осуществляя выбор между словами *поводок* и *ошейник*. Некоторые владельцы собак признавались в том же.

6. Замена конверсивов

Под конверсивами обычно понимают пару слов, предполагающих одно другое. Их смешение при порождении речи встречается достаточно часто. Нам приходилось наблюдать смешение лексем *продавец* и *покупатель*. Необычайно часто смешиваются лексемы *вопрос* и *ответ*, причем сам говорящий не всегда замечает речевой сбой: «*Вопроса*, что с этим делать, до сих пор нет» ;его поправляют: *ответа*.. «Да, ответа..ответа на вопрос». «На все ли *ответы* у нас есть *вопросы*... То есть, на все ли *вопросы* есть *ответы*?» - на этот раз говорящий замечает оговорку сам.

²⁴ Действительно в русском языке отсутствует лексема, обозначающая время, тесно примыкающее к настоящему моменту.

²⁵ Данный сбой можно рассматривать и как своего рода издержки программирования текста. Подобных случаев много среди метонимических замен.

6. Замена на основе общности ощущений

В данном случае играет роль скорее коннотативная общность двух ситуаций. Несколько раз нам встречалась замена *холодно* на *темно*, и наоборот: «Ой, как у вас *темно!*» (на самом деле - холодно); «Пошли скорей гулять, пока не очень *холодно* (имелось в виду - темно)». Жительница Донецка рассказывает о военных действиях в Донбассе и об испуганных детях: «Они все еще плачут при *запахе*... при *звуках*, похожих на снаряды».

7. Замена стандартных этикетных формул

Это хорошо знакомое явление встречается очень часто и объясняется, видимо, тем, что разного рода этикетные слова и словосочетания порождаются «на автопилоте» и при снижении контроля могут смешиваться. Поскольку обмен приветствиями в русском языке различается применительно к разным временным периодам, часто приходится слышать «Доброе утро» вместо «Добрый день» и т.п. Бывают, что смешиваются и не совпадающие по функции обороты. Я выходила на улицу с собакой, в это время незнакомая пожилая женщина входила в подъезд. Она вежливо меня пропустила, придержав дверь. Я прошла и сказала ей автоматически вместо *спасибо* (соблюдая соответствующую «интонацию благодарности») совершенно неуместное: «*Счастливо!*». Очевидно, сыграло роль и фонетическое сходство лексем. Иногда ловлю себя на том, что, заканчивая разговор по телефону, автоматически говорю: «*Целую!*» тем людям, с которыми обычно таким образом не прощаюсь.

Вторым типом лексических оговорок являются речевые сбои, никак не связанные со значением замещаемой лексемы. В их основе лежат ассоциации иного рода, основанные на звуковом сходстве замещаемых и замещающих словоформ или наличии общих морфологических характеристик. Их наличие свидетельствует о том, что кратковременные ассоциации, возникающие в процессе порождения речи, иногда весьма причудливые и странные, отражают не менее причудливую организацию индивидуального ментального лексикона, к которому человек обращается в процессе продуцирования текста, и главное – его удивительную динамику: оказывается, что ментальный лексикон не является чем-то застывшим, он чудесным образом связан

с некоторыми звуковыми образами, соотнесенными с определенными моторными шаблонами, которые активируются, по – видимому, в самый момент порождения высказывания. Очевидно, что при подборе лексемы говорящий, обращаясь к собственному ментальному лексикону, осуществляет поиск сразу по ряду оснований: семантическому, формально-грамматическому, фонетическому, часто – одновременно по нескольким. Дж. Филд описывает этот процесс так: «Если говорящему необходимо подобрать слово для обозначения конкретного овоща, он выберет кандидата из группы слов, относящихся к понятию «овощ». Но, возможно, он также будет руководствоваться определенным ключевым признаком извлечения, указывающим на то, что это слово начинается с ударного слога /КА/. Это может способствовать одновременному доступу к другой группе слов, объединенных на основании одинакового первого слова» [Филд 2012: 71]. Существенную роль при этом играет контекст, как уже реализовавшийся, так и планируемый. Роль контекста при порождении речи может быть как положительной, подсказывающей (в подавляющем большинстве случаев это имеет место), так и отрицательной, провокационной. Вторая из названных ситуаций и приводит к речевым сбоям формально-грамматического или фонетического типа.

Формально-грамматические (морфологические) ассоциации

Оговорки, которые можно условно назвать сбоями формально-грамматического типа, обязаны своим происхождением ассоциациям морфологического характера. Так, например, достаточно часто заменяют друг друга лексемы, относящиеся к разряду *pluralia tantum*: «Ты не видел мои ..ой, чуть не сказала часы..очки?». Если в данном случае можно заподозрить и дополнительную роль фонетического фактора (два слога с последним ударным, к тому же несомненная близость /И/ и /Ы/ в ударных слогах), то в смешении лексем *попурри*, а также *буриме*, *жалюзи* и *конфетти* роль фонетического фактора гораздо слабее, зато существенна неизменяемость существительных и, возможно, их иноязычное происхождение. Говорящая долго искала слово, переходя от *буриме* к *конфетти* и *жалюзи*, пока кто-то

из собеседников не догадался, основываясь на сюжете разговора: *попурри*. Речь шла о музыкальном произведении, созданном из фрагментов разных песен, которое предлагалось подготовить к концерту. В другом случае пожилая женщина произносит: «Надо бы всю *обувь* (вместо *мебель*) поменять!» Несомненно, что определенную роль играет общая морфологическая характеристика того и другого слова- собирательность, выраженная формой единственного числа, возможно, поддерживаемая заметным фонетическим подобием.

Фонетическое подобие может выражаться не только в тождестве ритмо-мелодической структуры, но и в тождестве ударного гласного, совпадении или близости начального слога. Приведем интересный пример на последний случай. Ведущая одной из радиопрограмм произносит: «Можно привести самые разные *слушатели* (вместо *случаи*) странного поведения подростков». Потом сама долго смеялась и говорила об «оговорках по Фрейду», а ее соведущий заметил, обращаясь к слушателям: «Вот видите, она постоянно о вас думает!» Данный случай позволяет предположить, что в нашем сознании существуют некоторые «моторные образы» словоформ, объединенные по начальному слогу и, возможно, по некоторым другим основаниям, своего рода автоматизмы, активизирующиеся в процессе речи независимо от семантики. Не исключено, что такого рода оговорки свойственны именно данному человеку, потому что в другой день и в другой ситуации она сказала бизнесмену, связанному со строительством: «Вам могут говорить, что это *потемкинские деревья... деревни* и все такое». Эти случаи говорят о том, что семантическая сторона лексемы может полностью игнорироваться говорящим. Приведем такой же, столь же странный на первый взгляд, пример. Рассказывая о своем посещении бассейна, женщина говорит: «Нужно стараться *плакать*, ой, *плавать* на спине». И здесь лексико-семантическая сторона лексемы оказывается полностью опустошенной. Инфинитивные формы двух разных, ничем не связанных между собой глаголов, различающиеся всего одной фонемой, заменяют одна другую.

Иногда говорящий успевает «перехватить» возможную оговорку, т.е. успеть сопоставить звуковой облик готовящейся к

реализации словоформы, с тем, который должен иметь место в соответствии с речевым замыслом. Вот перехваченная на ходу моя собственная оговорка из разряда «оговорок по Фрейду». Во время завтрака на даче: «Какая вкусная..., чуть не сказала *кафедра*» – имелась в виду каша. Очевидно, в сознании каждого человека есть некие доминирующие лексемы, которые могут получать звуковую реализацию независимо от своей семантики.

По нашим наблюдениям, огромную роль в фонетических заменах играет совпадение ритмо-мелодической структуры слов, особенно при тождестве ударного гласного. Так, известный историк, которому часто по роду занятий приходится использовать оба слова, произнес: «Они считали, что их защитит *корона... то есть икона*».

В подавляющем большинстве случаев заменяемая и заменяющая словоформы занимают одну и ту же синтаксическую позицию, но встречаются и менее предсказуемые случаи, подобные следующему. Человек рассуждает об успешно проведенной хирургической операции: «Вот какие теперь успехи *магазины* (вместо *медицины*)». Когда говорящего поправили, он уверял, что сказать так не мог. В сбоях такого рода оказывается нарушенной синтаксическая связность высказывания.

Воздействие контекста. Значительная часть оговорок объясняется сложностью линейного конструирования высказывания, при этом наблюдаются как случаи воздействия левого контекста (т. е. своего рода *застревание* на уже использованной лексеме), так и воздействие правого контекста, своего рода *упреждение*. Приведем примеры застревания. Директор исторического музея, рассказывает о расположенной в одном из залов выставке, посвященной Антанте. Через полминуты сюжет меняется: речь заходит о том, что скоро Новый год, и в музее будет елка для детей. Директор произносит: «Обычно у нас *на Антанте.. на елке* собираются дети из соседних школ». Морфологический каркас, приготовленный для синтаксемы «на елке» заполняется незадолго до этого использованной лексемой, продолжающей доминировать в сознании, предложно-падежная конструкция остается прежней. Приведу пример и собственной оговорки такого рода. Говорили о смерти Е.Гениевой, заведую-

щей библиотекой иностранной литературы в Москве. Спустя 5 минут я сказала: «Мне пора *в библиотеку*» (а на самом деле собиралась в магазин). «Чужая» лексема заняла место в морфологическом каркасе, заготовленное для нужной лексемы. Не менее часто встречается упреждение (забегание вперед). Это случается, когда продуцируемая лексема заполняет синтаксическое место одной из последующих лексем. Так, известная певица, рассказывая о своем творческом пути, говорит: «Тут тоже сыграло *судьбу*... сыграло *роль* то обстоятельство, что я переехала на Запад».

Хорошо известны случаи метатезиса, когда две лексемы меняются синтаксическими позициями: «Нужно вдеть *иголку* в *нитку*», «*Это система проблемная*» вместо «*Это проблема системная*»; «*Машу каслом* не испортишь» вм. «*Кашу маслом* не испортишь»; «*Митинг ипотечных валютчиков*» вм. «*Митинг валютных ипотечников*».

В данной небольшой статье перечислены далеко не все типы оговорок формально-грамматического и фонетического характера. Очевидно, что они заслуживают внимания, ибо дают представление как о системе языка, так и в значительно большей степени – о сложных нейролингвистических процессах, имеющих место при порождении речи. Однако лингвисты до сих пор не уделяли речевым сбоям серьезного внимания. Можно отметить лишь две работы, связанные с данной проблемой – это некоторые разделы в книге Б. Ю. Норманна «Грамматика говорящего» [Норман 1994] и книга М.В. Русаковой [Русакова 2013]. Что касается нейролингвистов и нейропсихологов, то они располагают огромным фактическим материалом, фиксирующим вербальные замены, имеющие место при афазиях разного типа [Ахутина 2014], но речью здорового человека фактически не занимаются. Очевидно, некоторые задачи могут быть решены мультидисциплинарными научными коллективами, включающими представителей разных наук.

ЛИТЕРАТУРА

Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. – М., 2014.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М., 2007.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Овчинникова И.Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика. – Пермь, 1994.

Русакова М.В. Имена словоформа флективного языка. Согласование в русском атрибутивном сочетании. Дис.канд. филолог. наук. – СПб., 2001.

Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. – М., 2013.

Филд Дж. Психоллингвистика. Ключевые концепты. Энциклопедия терминов с английскими эквивалентами – М., URSS, 2012.

Цейтлин С.Н. Речевые ошибки и их предупреждение. 4 изд. – М., 2013.

Черняк В.Д. Семантика частей речи и ресурсы русской синонимии // Язык. Функции. Жизнь: Сборник статей в честь профессора А. В. Бондарко. – СПб., 2000.

©Цейтлин С.Н., 2015